

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗН

ЕНЬ ФИЗИКУЛЬТУРНИКА

К 41
196

М. РОММ

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ

.. ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ ..
1940

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ СЪЕЗД ФИЗИКУЛЬТУРЫ И СПОРТА

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1891
SERIES

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

К 41
196

МИХАИЛ РОММ

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ

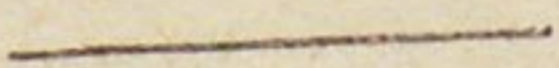
Государственное издательство
„ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ“
Москва ★ 1940

$\frac{796.3}{P\ 70}$ Доб. 796.4

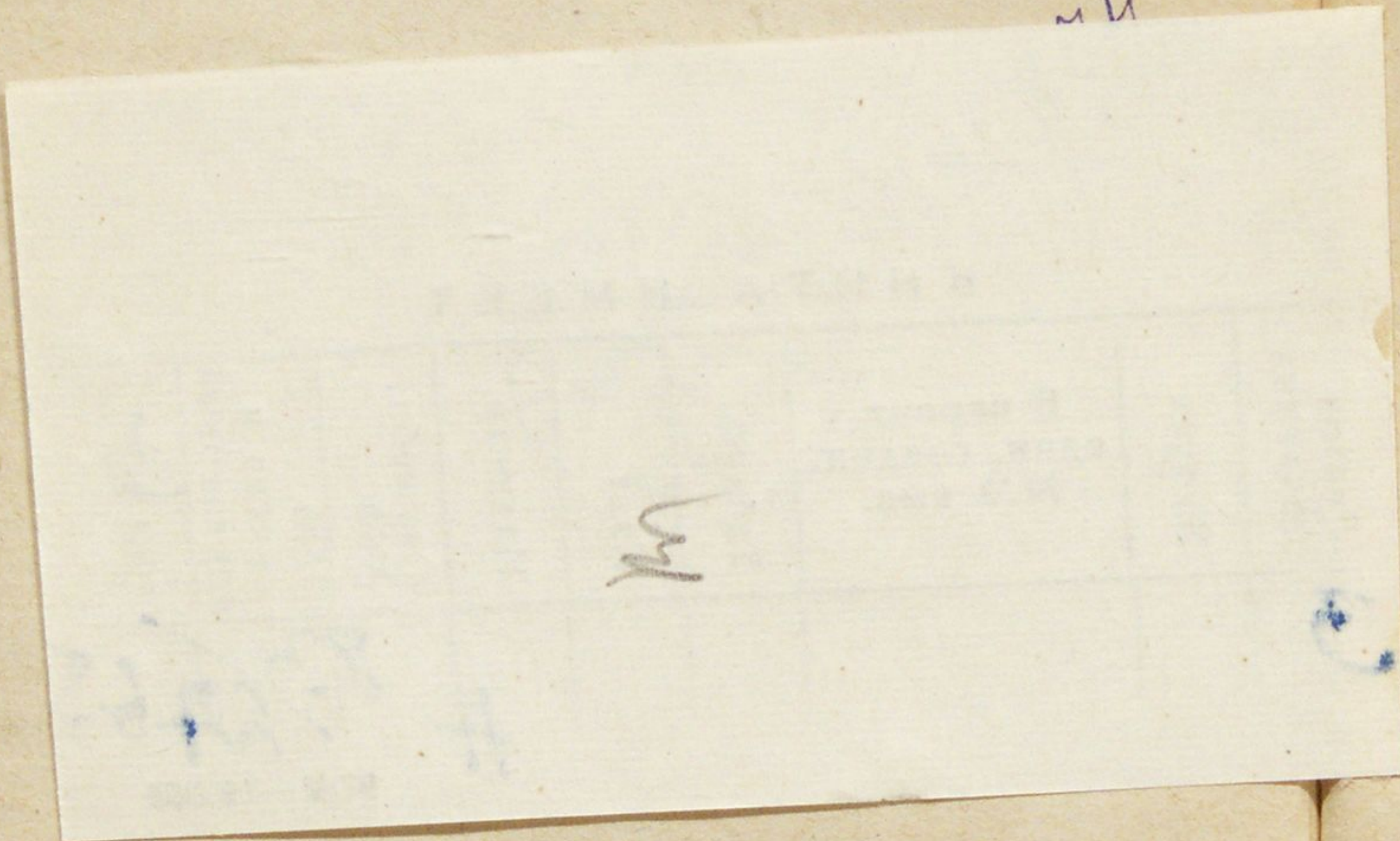
Обложка худ. А. Щербакова

СОДЕРЖАНИЕ

Матч	3
Формула рекорда	14
Женщина на вершине	30

mk

МАТЧ

Первая встреча была похожа на короткую расправу: Киселова легко выиграла матч, взяв подряд две партии со счетом 6 : 2, 6 : 2. Третьей — решающей — играть так и не пришлось.

У Киселовой была сильная, точная и разнообразная игра. Она «клала» мячи совсем близко к боковым линиям, заставляя Теплякову бегать из стороны в сторону, и когда какая-нибудь часть площадки оказывалась незащищенной, направляла туда мяч и выигрывала очко. Она все время играла «длинно», как говорят теннисисты, посылая мячи к задней линии, оттесняя Теплякову за пределы корта. Но время от времени она, сильно замахнувшись, словно собираясь дать далекий удар, подсекала ракетой мяч снизу. Он сразу терял силу полета и опускался на площадку, едва перелетев сетку. Это был знаменитый дроп-шот, падающий удар, новинка теннисной техники.

Теплякова бросалась вперед, стараясь достать мяч и отбить его. Но подсечка придавала мячу обратное вращение, и он, упав на пло-

щадку, почти не отскакивал, как бы зарывался в землю. Каждый раз это было неожиданно, и каждый раз Теплякова не дотягивалась до мяча на какие-нибудь 2 — 3 сантиметра.

Было что-то удивительно обескураживающее в этой искусной ловушке дроп-шота, неизменно вызывавшей смех и аплодисменты.

Бесполезные броски к сетке отнимали много сил, и вскоре Теплякова перестала выходить вперед. И все же она боролась с обычной для нее энергией. Она мужественно сопротивлялась. Она сопротивлялась до конца, до последнего мяча, но проиграла. Слишком велика была разница в классе.

Наши зрители умеют ценить спортивное искусство. Люди, заполнившие крутые трибуны теннисного стадиона ЦДКА, бурно аплодировали Киселовой.

Затем Киселова вместе с остальными игроками пражского клуба «Ц.Ц.Ц.» уехала в Киев и Ленинград. В Киеве она легко выиграла у Калмыковой, в Ленинграде — у Коровиной.

Теплякова была на этих матчах. Она сидела на трибунах и тщательно изучала свою противницу. Она пыталась найти слабые стороны в игре Киселовой. Кое-что ей удалось подметить: Киселова брала высоко отскакивающие мячи несколько хуже, чем низкие. Теплякова уловила также едва заметную разницу в за-

махе, который Киселова делала для длинного удара и для дроп-шота. Но этого было мало, для того чтобы надеяться на победу во втором реваншном матче, который предстоял в Москве при последнем выступлении чехословацких теннисистов в СССР.

Теперь, когда силы гостей были известны, можно было с большой достоверностью предсказать, как сложится каждая встреча матча.

Никто не надеялся, что Теплякова выиграет у Киселовой. Эта встреча заранее считалась проигранным для нашей команды очком.

И когда Теплякова заняла свое место на залитой знойным июльским солнцем площадке, она ощутила вокруг себя непривычную пустоту. Не было незримой, но могучей поддержки трибун, тысяч людей, верящих в ее успех.

Зрители были равнодушны. Что интересного могло быть в этом матче с заранее известным исходом? Несколько особенно удачных ударов Киселовой, несколько точных, остроумных дроп-шотов?

Слишком велико было неравенство сил, и зрителям хотелось, чтобы матч скорее окончился и начались следующие встречи, где будет настоящая борьба и надежда на успех наших игроков.

Впервые за много лет Теплякова чувствовала себя на корте одинокой.

Первая партия длилась недолго. Она поразительно походила на две партии первой встречи. Так же точно раскладывала Киселова мячи по углам площадки, посылая их справа по мужски сильными «драйвами» и слева «резаными» ударами, так же неожиданно чередовала она серии далеких мячей с точными, математически рассчитанными дроп-шотами.

И, словно подчеркивая сходство с первой встречей, она закончила партию со счетом 6 : 2. Победа ее была теперь еще более несомненной.

Это было ясно для зрителей, судей, игроков.

И только сама Теплякова, вопреки несомненной очевидности, не потеряла еще надежду.

Уже несколько лет она была чемпионом СССР. Много раз за эти годы она выигрывала безнадежные, казалось бы, матчи, в которых один-два мяча отделяли ее противников от победы. Это умение «вытягивать» игру, непоколебимое спокойствие и уверенность в своих силах были ее отличительными свойствами. Правда, тогда она имела дело с равными по силе противниками. Киселова же была явно выше по технике, по опыту, по классу. И все же Теплякова не теряла надежды.

Началась вторая партия. Снова боролась Теплякова за каждый мяч, отбивая, бегая, мечась по корту. Она боролась не только с по-

давяющим превосходством Киселовой, но и с холодным равнодушием трибун, откуда лишь изредка доносились аплодисменты, когда Киселовой удавался особенно эффектный удар.

Отчаянное сопротивление Тепляковой принесло свои плоды.

Борьба стала ровнее. Теперь каждый мяч разыгрывался дольше и упорней, чем в первой партии, по многу раз переходил с одной стороны площадки на другую. Теплякова буквально цеплялась за каждый мяч, нередко отбивая такие, которые на спортивном жаргоне носят название «мертвых».

Киселова выиграла первую игру, Теплякова — вторую. Усилив атаку, Киселова взяла третью, но вынуждена была отдать четвертую.

— По две во второй партии, — сказал судья на вышке, и радио размножило его голос на трибунах.

До сих пор Теплякова держалась только на упорной, самоотверженной защите. Теперь она попыталась перейти в атаку, используя наблюдения, которые она сделала в Киеве и Ленинграде. Она давала Киселовой под правую руку только высокие мячи, и драйв пражской теннисистки наполовину утратил силу.

Оставались недосыгаемые дроп-шоты, эти коварные мячи, «умиравшие», не отскакивая от земли, у самой сетки. Их можно было отбить,

лишь угадав их заранее по замаху. И вот Теплякова внезапно бросилась вперед одновременно с замахом Киселовой и оказалась у сетки в ту самую секунду, когда мяч перелетел на ее сторону. Она достала его и, едва прикоснувшись к нему ракетой, перевела обратно на сторону противника. Мяч упал на землю раньше, чем Киселова успела броситься вперед.

Это был первый дроп-шот, взятый Тепляковой. Она нашла защиту от самого опасного оружия, которым располагала Киселова. Бурная вспышка аплодисментов донеслась с трибун. Впервые зрители аплодировали Тепляковой. Затем вновь наступила тишина. Но это была уже не прежняя равнодушная тишина. Напряжение борьбы передалось на трибуны. Теплякова чувствовала, как в этой новой тишине зарождалось и росло сочувствие к ней и поддержка. Она уже не была одинокой.

— Игра Тепляковой, — произнесли радиорепортеры во всех концах стадиона. — Счет три — два. Она ведет во второй партии.

Впервые Теплякова вела, имела преимущество в счете, хотя бы на короткое время.

Вот она снова достала безнадежный, казалось бы, дроп-шот и выиграла четвертую игру.

— Четыре — две во второй партии!

Теперь — уже не короткая вспышка аплодисментов, а бурная овация. Пусть Тепля-

кова в конце-концов проиграет — она должна проиграть, слишком велика разница в классе между нею и Киселовой, — но ее великолепное усилие увлекает зрителей, находит в них живой отклик, заражает их. И Теплякова захватывает инициативу. В третий раз «убивает» она дроп-шот Киселовой, и та вынуждена впредь отказаться от этого приема.

До сих пор Теплякова металась по площадке. Теперь она точными ударами заставляет Киселову бегать из стороны в сторону. Она снова выигрывает игру.

— Пять — две во второй партии. Ведет Теплякова!

Непонятное происходит на корте. Заведомо более слабый игрок ведет игру и выигрывает. Киселова выбита из колеи. Она ожидала легкой победы, изящной демонстрации своего искусства, как в ту, первую встречу, когда она почти без усилия выиграла две партии подряд. Она захвачена врасплох этим жестоким отпором, перешедшим в такую же жестокую атаку. Кроме того, она никак не может понять, почему она проигрывает. Она попрежнему играет лучше, техничнее, красивее, чем Теплякова, но теперь это не приносит ей победы. Она проигрывает мяч за мячом: проигрывает игру и с нею вторую партию.

Люди на трибунах встают, аплодисменты

заглушают голос судьи, еще не веря своей победе, растерянно улыбается Теплякова, и веселый Водичка, душа и любимец чехословацкой команды, подходит к Киселовой, похлопывает ее по плечу и, скрывая в улыбке тревогу за исход матча, уводит ее в раздевальню: между второй и третьей, решительной, партией полагается 10-минутный перерыв.

Едва отдохнув, игроки возобновляют игру. Снова Киселова играет лучше, и все же Теплякова выигрывает, и каждое выигранное очко вызывает овацию. Теперь трибуны живут одной жизнью, одним желанием с Тепляковой. Теперь Киселова играет одна против всех. Впрочем нет, — ее товарищи по команде сидят сбоку возле самого корта, они пытаются ее ободрить, поддержать. Теплякова берет две игры подряд, она ведет в последней, решающей партии.

И тогда наступает перелом. Киселова словно стряхивает с себя оцепенение. К ней возвращаются уверенность, точность, сила. Ее мячи снова ложатся по самым углам площадки с недосыгаемой для Тепляковой точностью, инициатива опять в ее руках. И вот уже первый, безошибочно рассчитанный дроп-шот зарывается в землю возле самой сетки, и Теплякова беспомощно остается у задней линии. Киселова снова хозяин на корте.

Быстро, слишком быстро меняются цифры на доске результатов. Вот на месте ноля появилась единица, затем двойка, тройка, четверка. Четыре игры подряд взяла Киселова, она ведет 4:2, и это уже конец. Такому натиску нельзя противостоять, Теплякова должна проиграть.

Зрители на трибунах мирятся с неизбежным. Чудес не бывает. Техника и опыт должны в конце-концов победить.

И снова только один человек не потерял надежды на другой исход матча: сама Теплякова.

Сотни тренировок, упорная работа над собой, кропотливое разучивание приемов игры, строгая дисциплина режима, доходящая перед матчами до своеобразного спортивного аскетизма, десятки матчей, в которых она сначала завоевала, а затем защищала свое почетное звание лучшей теннисистки советской страны, развили в ней этот неукротимый дух сопротивления, уверенности в своих силах.

И Теплякова не сдается. Она тянется за каждым мячом и отбивает, отбивает, отбивает.

Она бросается от одного края площадки к другому и возвращается назад к исходной позиции, откуда можно защитить всю площадку.

Она движется безостановочно, с равномерностью механизма. Она отбивает до тех пор,

пока Киселова не сделает ошибку, не пошлет мяч за линию или в сетку.

И, как это ни невероятно, она останавливает бурный натиск Киселовой, берет две игры подряд, и счет становится 4 : 4.

Киселова усиливает игру. Она посылает точные, острые мячи и выигрывает девятую игру. Она снова ведет, и только одна игра отделяет ее от победы.

Теплякова защищается отчаянно. Палящее солнце заливает площадку, и все труднее становится играть. От судейской трибуны на край корта ложится узкая полоска тени, и Теплякова иногда успевает вбежать в эту тень и передохнуть. Две-три секунды длится такая передышка, но и это важно.

Теплякова берет десятую игру, счет становится 5 : 5.

Теперь уже недостаточно взять шесть игр, чтобы выиграть партию. По правилам, после счета 5 : 5 нужно иметь перевес в две игры. Снова вырывается Киселова и ведет 6 : 5, и опять Теплякова выравнивает счет.

— По шести! — говорит судья. Он говорит очень тихо, он весь захвачен огромным напряжением матча, но голос его ясно слышен в мертвой тишине трибун.

В недоуменном молчании следят зрители за матчем. Технику, опыт, искусство, физические

силы, — все, что обычно решает исход игры, — сумела Теплякова отодвинуть назад, устранить, сбросить со счетов. Она свела спортивное соревнование к самой чистой, самой острой формуле борьбы — к борьбе воли. Эта борьба, драматическая в своей необычайной напряженности, развертывалась на корте перед молчащими трибунами.

Защищаясь от атак Киселовой, словно защищая свою жизнь, Теплякова выиграла тринадцатую игру третьей партии. Теперь она вела со счетом 7 : 6.

Удастся ли ей вырвать следующую игру и с нею победу?

Это удалось неожиданно легко.

Киселова сдалась почти без сопротивления. Она была побеждена морально раньше, чем судья произнес сакраментальную формулу:

— Игра, третья партия и соревнование Тепляковой со счетом 2 : 6, 6 : 2, 8 : 6!

Чудес в спорте не бывает. Обычно побеждают техника и искусство. Но бывают победы, вырванные железной решимостью, нечеловеческим усилием воли. Почему, впрочем, — «нечеловеческим»? Разве сознательная воля, неудержимый порыв к победе — не одно из самых благородных отличий человека?

ФОРМУЛА РЕКОРДА

Небо над стадионом далекое, легкое, светлое, и горные ветры гонят облака в разных направлениях: верхние слои медленно плывут к западу, нижние, похожие на разорванные клочья ваты, спешат к северу.

Над резной баллюстрадой трибун видны в отдалении темные, поросшие лесом холмы предгорий. Широким кольцом окружают они город и стадион, повторяя овальное кольцо трибун.

Стадион пуст. Поле, вынесшее жестокие схватки футбольного сезона, израненное шипами бутц, отдыхает в мягком свете осеннего солнца. Тени облаков ложатся на порыжелую траву.

Вдали, у футбольных ворот, прямо на земле сидят двое в тренировочных костюмах. Они сидят в одинаковой позе, охватив руками колени согнутых ног, и беседуют. Потом один из них встает. Теперь видно, что это девушка. Она высокого роста, с широким, свободным, характерным для атлета разворотом плеч.

Она делает несколько упражнений: сгибает и вращает корпус, приседает. Движения мягки и гибки — ни малейшего напряжения, никакого усилия, угловатости.

Это — своеобразная гимнастика легкоатлетов, подготовка мышц и двигательных нервов к сложным координациям движений при метании и прыжках.

Девушка заканчивает упражнения «шпагатом»: в широком шаге она распластывается на траве, одна нога вытянута вперед, другая — назад, наклоненное тело прильнуло к земле. Поза обнаруживает акробатическую гибкость.

Гимнастика окончена. Девушка берет в правую руку диск. Она отводит руку назад, делает рукой и плечом плавное круговое движение и выпускает диск. Он летит, ребром разрезая воздух, и падает невдалеке на траву.

Неспеша, почти лениво, идет за ним девушка, и тени облаков, бегущие по полю, скользят по ее фигуре. Она поднимает диск и снова бросает его. Теперь движение метательницы энергичнее, диск летит дальше.

Перед третьим броском девушка репетирует движение метания без диска. Но теперь она усложняет его. После замаха она, переступив ногами, делает стремительный поворот вокруг собственной оси. Отведенная назад и в сто-

рону правая рука описывает при этом быстрый и широкий круг.

Теперь ясно, что первые два броска, выполненные без поворота, были лишь наметкой, эскизом настоящего броска. Только стремительный поворот, придавая руке с диском центробежную силу, позволяет метать далеко.

Так, по частям, по элементам; собирает девушка сложное и трудное движение метания диска, быть может, самое трудное из упражнений легкой атлетики.

Затем она снова берет диск. Теперь и второй человек поднимается с земли и подходит к метательнице. Он следит за каждым ее движением, оценивая, контролируя, — так смотреть умеют только тренеры. Замах, поворот, рывок — и снова, разрезая воздух, плавно летит диск, на этот раз гораздо дальше. И все же в броске нет напряжения, нет усилия. Чувствуется, что это только прикидка. Напряжение и силу девушка вложит в бросок завтра, когда она попытается улучшить мировой рекорд.

Это будет борьба с собой: мировой рекорд уже сейчас принадлежит ей, метательнице Нине Думбадзе, тренирующейся на тбилисском стадионе.

Спортивная биография Думбадзе во многом своеобразна.

Обычно тот, кто добивается рекордных результатов в каком-нибудь виде спорта, с ранних лет увлекается именно этим видом, инстинктивно делая верный выбор. Иначе было у Думбадзе. Из всех упражнений легкой атлетики она больше всего увлекалась прыжком в высоту с разбега.

Метанием диска она стала заниматься серьезно тогда, когда вывих ноги в колене помешал ей прыгать.

Ее последний бросок перед вывихом был равен 29 м 43 см. На первенстве УССР осенью 1936 г. она заняла четвертое место после Сеницкой, Борисовой и Самборской.

Но до этих трех ей было далеко: они метали под 40 м. Между тем Думбадзе была выше ростом, сильнее, быстрее. На фотографиях Сеницкая рядом с нею кажется худощавым подростком. Дело было в технике. Техника давала Сеницкой, Борисовой, Самборской перевес.

Значение техники, особенно большое в таком трудном и тонком упражнении, как метание диска, сразу стало ясным для Думбадзе.

И зимой 1936/37 г., когда окончательно выяснилось, что из-за больного колена нельзя будет ни прыгать, ни бегать, Нина принялась за изучение теории метания.

С необычайной для 17-летней девушки

усидчивостью и терпением разлагала она сложное движение дискобола на составные части.

Не рискуя из-за больной ноги метать, не рискуя даже сделать резкое движение, Нина постепенно и последовательно овладевала элементами броска.

Это была трудная и тонкая работа, создание новых, точных двигательных навыков.

Отдельные движения и их сочетания должны были войти в плоть и кровь, стать автоматическими. И затем надо было объединить эти элементы броска, скоординировать работу всех мышечных групп в единое неразрывное движение.

Это движение должно быть слитным, непрерывным, ритмичным. Малейшая погрешность, ошибка в ритме, задержка — и сила броска пропадает.

Упорной тренировкой нужно было придать работе всех мышц безупречную точность. Тонко развитое мышечное чувство — едва ли не главное качество метателя.

Нина изучала и сопоставляла два основных стиля метания: размашистый — финский и стремительный — американский, и искала нужное ей, подходящее к ее данным сочетание этих стилей, искала свой, индивидуальный стиль.

Так, с первых же шагов своего спортивно-го пути избегла она опасности, подстерегающей каждого одаренного спортсмена, — опасности всецело полагаться на свои выдающиеся природные данные и пренебрегать работой.

Теория и анализ шли у Думбадзе рядом с практикой, подчас впереди практики — в этом вторая своеобразная черта ее спортивной биографии.

Первый бросок ее весной 1937 г. был равен 37 м 60 см, на 8 м больше, чем результат на первенстве УССР осенью 1936 г. Эти 8 м, выигранные за зиму без единого броска, одним изучением теории метания, — одна из самых замечательных побед на пути Нины к мировому рекорду.

За сезон 1937 г. Нина выиграла вторые 8 м. Приобретенная за зиму техника позволяла уже полностью использовать исключительные природные данные.

Всесоюзный рекорд — 40 м 88 см — принадлежал Борисовой.

15 сентября на первенстве ВЦСПС Нина разбила этот рекорд и установила новый, метнув диск на 42 м 13 см.

Однако не Борисова была к этому времени главной ее соперницей. Синицкая, выступавшая за границей с командой советских легкоатлетов, показывала блестящие результаты.

24 сентября, через 9 дней после того как Думбадзе стала рекордсменкой Союза, ей пришлось на слете мастеров в Киеве встретиться с Сеницкой, вернувшейся из поездки.

Сеницкая метала первой. С спокойствием опытной чемпионки вошла она в круг для метания. Уже первый бросок ее был под 40 м. При третьем броске она метнула диск на 43 м 13 см, побив новый рекорд Думбадзе на целый метр.

Судьи, фотографы, репортеры толпой окружили Сеницкую. Ее поздравляли, снимали, интервьюировали.

Никто не обращал внимания на Нину, чей рекорд просуществовал всего 9 дней.

Нина взяла диск и вошла в круг.

Результат был для нее очень важен. Неужели ей суждено поставить своеобразный и мало почетный рекорд — оказаться самым «недолговечным» чемпионом?

Мешал шум толпы, окружившей Сеницкую. Метание диска требует полной сосредоточенности, внимания, спокойствия.

Огромным усилием воли выключила Нина из своего сознания все, что могло ей помешать, — шум, волнение, страх перед неудачей.

Всю силу и быстроту вложила она в первый свой бросок, и диск упал за флажком,

отмечавшим рекорд Сеницкой, в 44 м 51 см от старта.

Судьи, фотографы и репортеры бросились к Нине. Сеницкая осталась одна.

В конце сезона в Ереване Нина еще раз улучшила свой рекорд. Она метнула на 45 м 78 см.

Это был уже международный результат. Борисова, Сеницкая, Самборская — вся плеяда наших лучших метательниц — остались позади.

Так неожиданно быстро пришла спортивная слава. Еще весной безвестная атлетка стала осенью одной из лучших метательниц мира.

Пресса следила за выступлениями Думбадзе. В порядок дня становилась борьба за мировой рекорд.

За год до этого, осенью 1936 г., немецкая легкоатлетка Гизелла Мауэрмейер метнула диск на 48 м 31 см. Этот результат оставался пока недостижимым. Сама Мауэрмейер не смогла повторить его в 1937 г.

Думбадзе решила побить рекорд Мауэрмейер в следующем же сезоне. Она, конечно, отдавала себе отчет в трудности задачи. Она знала, что $2\frac{1}{2}$ м, отделявшие ее от мирового рекорда, стоят большего, чем 16 м, выигранные за 1937 г. Она подошла к тем пределам, где каждый сантиметр — событие. Но она знала и путь, который должен был привести к

победе. В ее тренировочном дневнике под чертой, подытоживающей сезон 1937 г., записано:

«Вывод: из ошибок остались уход влево от диаметра при повороте и изредка низкое положение правого плеча при тяге. Темп и ритм хороши, но в запасе есть еще скорость».

Устранить недостатки и научиться использовать весь запас скорости — такова была задача. На этом строилась зимняя тренировка.

24 мая 1938 г. Нина бросила диск на 40 м 42 см — недурной бросок для начала сезона. Но через месяц результат остался тот же, даже несколько хуже. Мало того, 25 июня на матче 11 городов Думбадзе проиграла Синицкой. Движение вперед остановилось, она шла вспять. Нечего было и думать о мировом рекорде.

В спортивной печати в строках отчетов сквозило разочарование.

До сих пор Нина работала одна, без тренера. Она изучала теорию метания по книгам и журналам, проверяла теоретические выводы на собственном опыте, присматривалась к лучшим метателям. Но живого повседневного руководства со стороны тренера она не знала.

Весной на учебном сборе в Сухуми Нарке-

вич, тренер общества «Пишевик», указал Нине на недостатки техники, предложил работать с ней.

Тогда она отказалась. Теперь она решила принять предложение и приехала в Москву.

Наркевич считал, что Нина мало взяла от финского стиля, слишком много — от американского.

Американцы начинают поворот при метании, довольно сильно согнув ноги в коленях. Постепенно выпрямляясь в стремительном повороте, они ведут диск равномерно по восходящей спирали. Финский же стиль требует, чтобы рука с диском перед броском делала волнообразное движение.

Финский стиль, по мнению Наркевича, лучше подходил к высокому росту и длинным рукам Думбадзе.

Началась трудная переделка вкоренившихся навыков. Старое терялось раньше, чем приобреталось новое. И не было уверенности в том, что новое нужно и полезно. Размашистость финского стиля не помогала, а мешала использовать тот скрытый запас скорости, который Думбадзе в себе ощущала. Рука раззнакомилась с диском, стремительный поворот выводил из равновесия, точный мышечный контроль был потерян.

Результаты не улучшились за июль и ав-

густ, первенство СССР в начале сентября казалось страшным испытанием. Нина боялась потерять звание чемпиона СССР. Действительность превзошла самые худшие опасения. Увлеченная чрезмерно быстрым поворотом, Нина все три раза выскочила за пределы круга и получила ноль.

После метания она ушла со стадиона в примыкающий к нему парк и пролежала ничком в траве до вечера.

Только поздно ночью, когда все уже спали, вернулась Нина в общежитие.

Много передумала она за эти часы. Спортивная слава обернулась к ней другой своей стороной: впервые поняла она ответственность, налагаемую этой славой. Ее неудачи были неудачами советской легкой атлетики. Она была лучшей метательницей страны, единственной, имевшей шансы побить мировой рекорд, заставить его перекочевать к нам. Она не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Было ли все дело только в неверно выбранном стиле?

Так ли она работала, как надо работать, чтобы побить мировой рекорд?

Не вскружили ли ей голову легкие успехи прошлого сезона?

Неудачи и поражения нужны чемпиону так же, как и победы. Они заставляют осознать

железный закон спортивных успехов — необходимость непрерывной, сосредоточенной, упорной работы над собой.

В эту ночь Нина стала намного старше и зрелее.

Прежде всего надо было успокоиться, найти себя. Нина решила вернуться на родину, в Одессу, вернуться в те условия, в ту обстановку, в которой добилась она первых своих успехов.

На другой день она с трепетом развернула «Красный спорт»: ее щадили, неудача никак не комментировалась.

Но сама она решила себя не щадить. Жирным нулем отметила она в тренировочном дневнике свое поражение.

Вернувшись в Одессу, она тотчас же принялась за тренировку. Она работала осторожно и вдумчиво, проверяя каждое свое движение. Кое в чем Наркевич был прав, но в основном он ошибся. Он исходил из внешнего, из высокого роста и длины рук, и не оценил необычайной быстроты реакций Думбадзе. Самый лучший тренер может ошибиться, тренируя мастера. Тренировать мастера не легче, чем отшлифовывать игру виртуоза — скрипача или пианиста.

Нина вернулась к старому, выработанному ею для себя стилю. Уже через 16 дней после

провала на первенстве она показала результат в 43 м 90 см. Такие же броски она сделала в октябре на первенстве УССР и на слете мастеров в Тбилиси.

18 октября она должна была выступать в Баку. Как пройдет этот день? Сумеет ли она реабилитироваться после неудач сезона и, что важнее, вернуть себе доверие к собственным силам?

Она приехала в Баку за три дня до соревнования. Из гостиницы она выходила только на тренировки. Упорно и сосредоточенно собирала она все силы, внимание, волю, искала былую уверенность.

Ни на кого не глядя, вошла она в круг для метания. Диск снова лежал в руке легко, привычно и дружественно. И снова ощущала она ясно и четко каждое свое движение.

Первый, прикидочный, бросок дал результат за 45 м. Вторым она послала диск на 47 м 33 см. Это был не только новый всесоюзный рекорд, на 1½ м больший прошлогоднего, это был лучший мировой результат сезона. Мауэрмейер и в 1938 г. не сумела повторить свой рекорд.

Так один бросок искупил неудачи сезона. Огромным усилием Думбадзе поставила себя на первое место среди лучших метательниц мира.

Теперь не было сомнений, что именно у нее больше всего шансов побить феноменальный рекорд Мауэрмейер.

Через пять дней Нина выступила в Тбилиси. Здесь осталась она жить и работать.

И здесь нашелся тренер, который подошел к ней так, как нужно было подойти к этой своеобразной атлетке, самостоятельно прошедшей свой большой спортивный путь. Борис Дьячков ничего не менял и не навязывал. Он помогал работе Думбадзе над собой, ставил перед ней новые проблемы, углублял ее понимание техники.

Опираясь на его тренерский опыт и верный глаз, она пошла вперед спокойно и уверенно. Больше не приходилось работать ощупью, в одиночку.

Первый бросок весной 1939 г. дал результат — 44 м 64 см. Это был хороший старт для атаки на мировой рекорд.

Спортивная форма Думбадзе в сезоне 1939 г. была устойчива. 26 августа она снова стала чемпионом СССР, метнув на 46 м 83 см. После этого она приехала в Москву, чтобы попытаться побить рекорд Мауэрмейер.

Три года этот рекорд был заветным пределом для лучших метательниц мира.

Три года на стадионах всех стран взлетал диск, брошенный рукой сильнейших чемпио-

нок, и падал, не достигнув флажка, отмечающего рекорд Мауэрмейер.

Немецкая чемпионка оставалась непобедимой, и Нина часто видела на страницах спортивных журналов ее высокую широкоплечую фигуру и добродушное скуластое лицо.

20 дней прожила Нина на стадионе «Динамо». Это были дни напряженной работы, сосредоточения всех сил, нервов, воли, дни своеобразного спортивного затворничества.

С утра — пробежка, разминка, отдых. Потом два с половиной часа тренировки, душ, массаж.

Только два раза за эти двадцать дней выходила Нина за пределы стадиона.

Нужен был «поддужный», второй метатель, который выступал бы совместно с атлетом, пытающимся побить мировой рекорд. Без этого по международным правилам бросок не засчитывается.

Старая соперница Думбадзе мастер Синицкая согласилась на эту роль.

18 сентября Нине Думбадзе удалось то, к чему тщетно стремились лучшие метательницы всех стран в течение трех лет: диск, брошенный ее рукой, пролетел за белый флажок, которым отмечается на зеленом поле мировой рекорд.

В 49 м 11 см от старта, на 80 см дальше

белого флажка, появился красный флажок нового рекорда СССР, ставшего на этот раз и новым мировым рекордом.

Искусство метания Нина привыкла мыслить в точных формулах механики движений. 480 тренировок, записанных в дневнике начиная с осени 1936 г. и до того дня, когда она побила мировой рекорд, научили ее правильно оценивать свои силы.

Она знала, что может метнуть диск дальше 49 м 11 см. Вот почему 28 октября 1939 г., через 40 дней после победы над Мауэрмейер, мы застали ее тренирующейся на тбилисском стадионе. На другой день, 29 октября, она улучшила свой мировой рекорд, бросив диск на 49 м 54 см.

Спортивный путь Нины Думбадзе поучителен для многих: для тех, кто считает, что в спорте побеждают мышцы, а разум и воля играют второстепенную роль; для тех, кто надеется стать чемпионом, не работая над собой, только потому, что природа дала им больше, чем другим.

ЖЕНЩИНА НА ВЕРШИНЕ

Симон Джапаридзе и Пимен Двали погибли осенью 1929 года при восхождении на Тетнульд. Они поднимались по обледенелому гребню. Джапаридзе шел первым и рубил ступеньки. Следовавший за ним Двали, переступая с одной ступеньки на другую, потерял равновесие. Джапаридзе пытался поддержать товарища, но Двали сорвал его с гребня вместе с собой. Они начали скользить вниз. Джапаридзе сделал отчаянное усилие, чтобы удержаться. Он вонзил острый клюв ледоруба в ледяной склон. Однако падение было слишком стремительным, и ледоруб вырвался у него из рук.

Джапаридзе и Двали все быстрее скользили по склону, потом скольжение перешло в полет, и оба исчезли в глубоких расщелинах.

Все произошло молниеносно. Секунду тому назад профессор Николадзе, третий участник восхождения, видел перед собой своих товарищей, ждал, пока Джапаридзе вырубит ступеньку, чтобы подняться на шаг выше. Теперь он стоял один на обледенелом гребне и не мог отвести глаз от ледоруба Джапаридзе.

Вскоре порыв ветра повернул ледоруб, клюв освободился из неглубокой зарубки, и ледоруб, звеня и подпрыгивая на неровностях скала, скрылся в пропасти вслед за своим хозяином.

С горами шутить нельзя. Нельзя было брать с собой на трудное восхождение неопытного Двали, нельзя было подниматься по гребню, не связавшись веревкой.

Иначе объясняли гибель альпинистов в окрестных сванских селениях. В стране, отрезанной в течение большей части года от мира горами, еще жили темные суеверия. Природные скалолазы, умелые охотники, выслеживающие туров на неприступных скалах, сваны никогда не поднимались к вершинам. Там, среди вечных снегов, обитают злые духи гор. Неминуемая смерть грозит всякому, кто попытается проникнуть в их владения. Это они сбросили в пропасть Джапаридзе и Двали.

Симон хотел подняться на Тетнульд для того, чтобы опровергнуть веру в духов. Он пытался привлечь к восхождению хотя бы одного свана. Но молодые охотники боялись послушаться запрета стариков.

Гибель Симона и Двали дала новую пищу легендам о горных духах.

Вернувшись в Тбилиси, профессор Николадзе рассказал о всем случившемся Алек-

сею и Александре Джапаридзе, брату и сестре Симона.

Так приняли брат и сестра завет Симона. Так возникла для них необходимость продолжать его дело, подняться на Тетнульд.

Надо было спешить: по просьбе сванских большевиков в Сванетию для той же цели выехали из Москвы несколько групп альпинистов.

И лишь только стаял снег на перевалах, брат и сестра направили свой путь к Тетнульду. Они шли горной тропой вдоль быстрого Ингура, катившего им навстречу свои мутные волны. Крутые пашни и луга Сванетии уходили вверх по склонам гор, поросших темным лесом, словно медвежьей шкурой. Над лесами вставали серые глетчеры и снега вершин.

Весь народ вышел в поле. Косьба была в разгаре. По крутым, почти отвесным склонам косцы двигались вверх, срезая перед собой траву косами с короткими рукоятками. В шахматном порядке стояли на кручах темные стога, и визжали по камням широкие полозья саней, на которых свозили вниз жесткое горное сено.

В селеньях были только дети, старухи, тощие свиньи и огромные злые псы. Квадратные сванские башни смотрели на путников прищуренными глазами бойниц.

Алексей и Александра Джапаридзе пришли в село Адиш у подножия Тетнульда. «Самая изящная гора в Сванетии», по выражению Фрешфильда, побывавшего на многих вершинах Кавказа, вырисовывалась в небе снежной пирамидой, почти безупречной геометрической формы. Над обледенелым гребнем, по которому шел путь к вершине, стоял «флажок» — пронизанное солнцем облачко снежной пыли, которую ветер гнал по склонам горы.

Ветер всегда бушует на Тетнульде, недаром Мерцбахер назвал Тетнульд «невестой ветров».

И Фрешфильд и Мерцбахер и еще несколько иностранных альпинистов побывали на Тетнульде. До революции горы Кавказа были известны англичанам, немцам, швейцарцам, итальянцам гораздо лучше, чем русским. Альпинизмом в царской России занимались одиночки.

Сваны не слыхали об этих ранних восхождениях на Тетнульд; иностранцы приезжали на Кавказ с швейцарскими проводниками и, не зная языка, почти не общались с местным населением.

Тетнульд считался неприступным, и когда в Адише узнали, что Алексей и Александра Джапаридзе намерены на него подняться, старики мрачно качали головами: бесполезно

вступать в борьбу с духами гор. Этой зимой обрушилась с Тетнульда лавина небывалой величины. Даже внешний вид горы приметно изменился. Под самой вершиной, там, где спокон веков были снежные отвесы, обнажилась темная скала. И если все же пускаться в это безрассудное предприятие, то нельзя же брать с собой женщину. Кто не знает, что женщина приносит несчастье.

Алексей и Александра Джапаридзе поднялись на Тетнульд. По крутым осыпям и растерзанным трещинами ледникам они достигли гребня, ведущего к вершине. Борясь с ветром, пытавшимся сбросить их вниз, избегая нависших над пропастями снежных карнизов, они преодолели крутой гребень, с которого сорвались Симон и Двали, и достигли вершины. Там они укрепили серебряную доску с портретом Симона. За восхождением следили из Адиша, духи гор понесли в этой битве жестокое поражение, непобедимый Тетнульд был побежден.

Безграничная панорама раскрывалась с Тетнульда. К северо-востоку вставала расчерченная следами лавин Безенгийская стена, грандиозное сращение пяти могучих вершин — Ляльвера, Гестолы, Катынь-тау, Джанги-тау и Шхары. На западе, несколько в стороне от Главного хребта, высилась Ушба.

Сотни вершин в Кавказском хребте, и каждая из них неповторима в своих очертаниях. Мы знаем широкоплечую Шхару, двуглавый Эльбрус, готическую Шхельду. Но Ушба особенно отлична от всех. Опоясанные лентой глетчеров, поднимаются к небу на высоту четырех тысяч семисот метров два совершенно отвесных зуба, две огромные башни — южная и северная вершина.

Особенно неприступна южная. В течение двадцати пяти лет — с 1888 года по 1903-й — противилась она попыткам лучших иностранных альпинистов. Здесь потерпели поражение Фрешфильд, Мерцбахер, Рикмерс, Вулей, Пурчеллер. Лишь в 1903 году швейцарцы Гельблинг, Вебер, Рейхерт и немцы Шустер и Шульце сумели преодолеть отвесы южной вершины. И в том же году немцы Дистель, Пфан и Лейхс совершили траверс обеих вершин Ушбы.

С тех пор в течение двадцати семи лет никто не пытался подняться на Ушбу.

Стоя на вершине Тетнульда, ежась под ударами ледящего ветра, Александра и Алексей Джапаридзе смотрели на запад, на два грозных скальных зубца. Первыми из советских альпинистов поднялись они на Тетнульд, первыми хотели они подняться на южную вершину горы, название которой стало

символом неприступности. Это желание крепло в них с каждой минутой, превращалось в твердое решение, становилось необходимостью.

Спустившись с Тетнульда, Джапаридзе со спутниками тотчас же направились к подножию Ушбы. Отдохнув и пополнив запасы продовольствия, они начали восхождение. Они поднялись на четыре тысячи метров. До вершины оставалось семьсот метров. Они стояли у основания знаменитой западной стены, которую надо было преодолеть. Стена высилась двухсотметровым отвесом, гладким, с едва заметными впадинами и выступами.

Только теперь поняли Александра и Алексей трудность задачи. Тетнульд по сравнению с Ушбой был простой прогулкой. Здесь нужна была техника, умение и опыт, которыми они не обладали. Здесь надо было изучить подходы, исследовать каждый кулуар, каждый выступ стены. Наивна была надежда взять Ушбу коротким приступом. Джапаридзе пошли назад, чтобы вернуться снова тогда, когда они будут подготовлены к восхождению.

Оба они не были новичками в горах. В качестве метеоролога Александра Джапаридзе четыре раза поднималась на Казбек. Она была сильна, упорна и вынослива. Знал горы и Але-

ксей. Но Казбек труден только большой своей высотой. Путь к вершине прост и не требует альпинистического умения. Для того же, чтобы подняться на Ушбу, надо быть выдающимся, исключительным скалолазом.

И вообще — может ли женщина пройти там, где не прошли Фрешфильд, Мерцбахер, Пурчеллер, Рикмерс, Вулей? Сила мышц, ловкость и уверенность движений, находчивость и бесстрашие нужны для того, чтобы взбираться по отвесным стенам, вбивать, вися над пропастью, крюки в расщелины скал, страховать на веревке спутников.

Самый строгий отбор участников необходим при таких восхождениях. Должны идти сильнейшие, искуснейшие, самые спокойные и смелые. Можно ли при таких условиях брать на восхождение Александру?

Много раз думал об этом Алексей Джапаридзе в последующие годы, пока готовилась экспедиция на Ушбу. Но Александра тренировалась, упорно и настойчиво изучая технику скалолазания, каждое лето поднимаясь на все более трудные вершины. И когда пришло время окончательно определить участников, она была включена в состав экспедиции.

Четыре года прошло с тех пор, как Александра и Алексей поднялись на Тетнульд. И вот снова шли они долиной Ингура, снова в

самом разгаре была косьба на крутых пастбищах, те же подслеповатые башни встречали их в пустых селениях.

Но многое изменилось за эти четыре года. Легенды о горных духах доживали последние дни. Вслед за альпинистами сваны начали подниматься на вершины гор. В Местии издавалась газета «Новая Сванетия» и был построен аэродром. Со дня на день ожидали прибытия первого самолета. Открывалось регулярное воздушное сообщение Кутаис — Местия. С юга и с востока доносились громкие взрывы — аммоналом рвали скалы вдоль речных долин, превращая вьючные тропы в автомобильные дороги. Кончался вековой горный плен Сванетии.

И лишь Ушба попрежнему сохранила свою славу неприступной вершины.

Старый спутник Александры по Казбеку, горец-колхозник Ягор Казаликашвили шел вместе с Джапаридзе. У подножия Ушбы к ним присоединился Гио Нигуриани, молодой сван, отважный и опытный охотник.

Рано утром 27 августа альпинисты начали подъем с Гульского ледника, омывающего подножие Ушбы. Они перешли морену и попали в крутую снежную лощину. Такие лощины называются кулуарами и обычно служат удобной дорогой для восхождения.

Из первого кулуара по скалам перебрались во второй. Он был изрыт продольными рытвинами, словно следами чьих-то гигантских когтей. Эти рытвины оставили после себя обломки скал, катившихся вниз. Вторым кулуаром было значительно круче первого: приходилось рубить ступеньки.

Выход из второго кулуара примыкал к отвесной трехметровой скале. На ней была небольшая площадка, где можно было разбить лагерь.

Здесь остались следы ночевки альпинистов, поднимавшихся раньше на Ушбу: консервные банки, обрывки веревок.

Джапаридзе со спутниками поставили на скале две маленькие палатки. Потом вскипятили чай. Белые кирпичики сухого спирта горели под алюминиевой кастрюлей едва заметным синим огоньком.

На следующий день альпинисты продолжали подъем.

К вечеру 29 августа они достигли подножия западной стены.

Двухсотметровая отвесная стена казалась неприступной. Альпинисты прошли вдоль ее подножия до того места, откуда они собирались начать подъем.

Наступила темнота, надо было располагаться на ночлег. На крутом склоне негде было

поставить палатку. Пришлось искать углубления в скалах.

В двух таких щелях, расположенных одна над другой, устроились Алексей и Александра.

Двадцатью метрами ниже Ягор и Гио нашли выступ, где они сумели поместиться вдвоем.

На другой день рано утром альпинисты пошли на приступ западной стены. Стоя у ее основания, они внимательно исследовали скалу, прощупывая взглядом каждый метр камня над собой.

Они искали едва заметные глазу выступы и впадины, небольшие щели и трещины, образованные выветриванием породы, расширенные проникающей в них водой, ночью превращающейся в лед. Они отыскивали более глубокие впадины, вертикально расположенные корытообразные углубления, называемые каминами. От выступа к щели, от щели к камину, от камина к новому выступу — так намечали они свой путь по скале.

Не всегда этот путь шел прямо вверх. Иногда, чтобы попасть от верхнего конца щели к входу в камин, надо было податься на несколько метров вбок — вправо или влево — по едва заметному выступу на стене. Эти боковые продвижения называются траверсами.

С такого траверса начали Джапаридзе со спутниками штурм стены. Траверс был труден и опасен, выступ, по которому приходилось двигаться боком, лицом к стене, был покат и обледенел за ночь. Они добрались до основания камина. В верхней части его виднелась белая полоска. С большими усилиями, забивая крюки, альпинисты поднялись по каменной впадине. Белая полоска оказалась веревкой, оставленной одной из групп, поднимавшихся здесь раньше. Вербка сгнила и рассыпалась, лишь только Алексей ее коснулся.

Несколько наискось от верхнего края первого камина начинался второй, более узкий, но немного наклонный. Наверху, там, где надо было переходить из камина на уступ и снова траверсировать, торчали два крюка, вбитые в скалу.

Упорно и долго работали альпинисты, поднимаясь по второму камину. Здесь они закрепили веревку, и Александра и Ягор остались ждать, пока Алексей и Гио искали путь дальше.

Половина дела была сделана.

Сто метров отвесной стены осталось внизу. Дальше на пятьсот метров падал вниз крутой фирновый склон.

На головокружительной высоте продолжали свою работу Алексей и Гио. После труд-

нейшего траверса они поднялись, забивая крюки, по стене, вдоль нескольких трещин, и подошли к началу третьего камина.

Три с половиной часа безуспешно штурмовали Алексей и Гио третий камин. С каждой попыткой слабели мышцы и терялась уверенность движений. На высоте в четыре тысячи пятьсот метров, в разреженном воздухе, малейшее усилие трудно и вызывает сердцебиение.

Стена отразила атаки альпинистов. Алексей и Гио стояли попрежнему у подножия камина и беспомощно всматривались в скалу над собой, ища другого, более легкого пути. Другого пути не было. Приходилось признать себя побежденными, отступить, не достигнув цели, к которой стремились четыре года.

Усталые и взволнованные, возвращались Алексей и Гио к тому месту, где осталась Александра. Они сообщили ей о своей неудаче. Восхождение было, по их словам, окончено. Надо спускаться. Но Александра не соглашалась. Она внимательно обследовала за это время стену над собой, и ей казалось, что именно здесь можно было подняться. Завтра надо было сделать попытку.

Оставалось решить вопрос о ночевке. Приходилось спускаться вниз, к основанию стены, где альпинисты провели последнюю ночь.

К удивлению спутников, Александра отказалась спускаться. Она решила заночевать на стене. Она не хотела на другой день снова тратить силы на подъем, — так объяснила она свое решение. Настоящая же причина заключалась в другом. Она заметила, что Гио стал колебаться. Снова оживали легенды о неприступности Ушбы. Завтра Гио мог отказаться от новой попытки восхождения. Но он не мог оставить Александру на стене без помощи. Он должен был утром подняться к ней, и тогда будет легче уговорить его идти дальше.

Мужчины спустились вниз, женщина осталась наверху, подвешенная на веревке к крюкам. Сто метров отвесной стены под ней, сто метров — над ее головой.

Снизу, от подножия стены, она казалась едва приметным темным пятном, маленьким выступом на гладких скалах.

Утром мужчины поднялись к месту ночевки Александры. На этот раз подъем был гораздо легче — в каминах оставались закрепленные накануне веревки.

Прямо над ними стена шла не только отвесно, но немного нависая над пропастью. Алексей взобрался на плечи Гио и забил крюк выше уступа. Он закрепил веревку, поднялся сам и поднял товарищей. Снова пошли вверх, от щели к камину, от камина к траверсу. Але-

ксандра работала так же, как мужчины, — забивала крюки, страховала и подтягивалась на веревке.

Верхний край стены был уже близок, когда альпинисты снова попали на неприступный участок. Дальше вверх шел только один камин с совершенно гладкими стенами и без щелей.

Обойти это место справа или слева не удавалось — нельзя было найти уступов для траверса.

В продолжение целого часа пытались Алексей и Гио поочередно взять камин. Их силы слабели. Здесь, под самой вершиной, их снова подстерегала неудача.

Тогда Гио, охотник и скалолаз, снял башмаки и полез босиком. Привычные к скалам подошвы словно присасывались к малейшим неровностям. Затаив дыхание, следили альпинисты за своим товарищем. В верхней части каминна Гио нашел трещину и забил крюк. Через несколько минут все четверо уже поднялись по камину. Западная стена была внизу, под ними. Самое трудное было сделано.

Но гора не сдавалась. Когда альпинисты вышли по крутой обледенелой ложбине на фирновое поле, ведущее к вершинному гребню, небо заволокло облаками и начался буран.

В вихрях снежной пыли продолжали аль-

пинисты свой путь. Гребень поднимался полого, и где-то совсем близко ощущалась сквозь снег и туман его оконечность — южная вершина.

Через полчаса вершина была достигнута. Четверо альпинистов стояли молча, охваченные огромной радостью.

В камнях они нашли записки немцев и швейцарцев. Они присоединили к ним краткий отчет о своем восхождении и забили в трещину камня железный крюк с бронзовой пластинкой.

Они пытались переждать туман. Но туман сгустился настолько, что не было видно даже ближайших гор и ледников. Лишь изредка, когда сильный порыв ветра разгонял его, альпинисты с трудом различали силуэт северной вершины Ушбы.

Наступала темнота, надо было искать место для ночлега. Нечего было и думать спускаться ночью по стене.

Альпинисты расположились немного ниже вершины, под защитой выступавшей из фирнового поля скалы. Здесь можно было полусидя, полулежа провести ночь.

Когда совсем стемнело, туман рассеялся и показались звезды. Внизу, в селениях Ушхванари и Мазери, загорелись костры. Так было условлено перед восхождением.

Алексей вышел на открытое место, зажег бенгальские огни и в течение нескольких минут освещал ими вершину Ушбы. Теперь сваны знали, что альпинисты действительно достигли цели.

Костры в Ушхванари и Мазери горели всю ночь. Там, у этих костров, вместо старых легенд слагались рассказы о смелых советских альпинистах.

Шесть лет прошло с тех пор, как Алексей и Александра совершили свое первое восхождение.

Сотни вершин на Кавказе, Памире, Тянь-Шане взяты нашими альпинистами, и некоторые из этих вершин труднее Ушбы.

Поднимались советские альпинисты и на Ушбу. Шесть восхождений было сделано на южную вершину и двадцать на северную. Трижды совершался труднейший траверс обеих вершин.

В этих восхождениях участвовали и женщины. Елена Казакова, бывшая работница, ставшая инженером, сделала траверс обеих вершин, Люба Кропф, инструктор альпинизма, поднялась на южную.

Техника советского альпинизма шагнула далеко вперед, и многие группы шли быстрее и увереннее, чем группа Джапаридзе.

Их удача не зависела от искусства сван-

ских охотников, и они не оставляли своих спутников на скальных стенах, так как знали, что внезапно наступивший буран может грозить им гибелью. Не сделал бы этого теперь и Алексей Джапаридзе, взявший с тех пор много трудных вершин.

И все же те, которые поднимались на Ушбу после Джапаридзе, шли по их следам, подобно тому, как скользит лыжник по лыжне, проложенной в глубоком снегу идущим впереди товарищем.

Вот почему написан этот рассказ о мужестве и упорстве советских альпинистов, первыми поднявшихся на южную вершину Ушбы, и о женщине, идущей рядом с мужчинами по самым трудным путям и не приносящей несчастья.

Рассказ написан по книгам, очеркам в журналах и со слов товарищей, побывавших на Ушбе. Быть может, мне все же удалось вдохнуть в него подлинную жизнь. Если это случилось, то лишь потому, что, работая над ним, я вспоминал голубые озера Теберды, глетчеры, спускающиеся к заросшей крокусами Домбайской поляне, куполы Эльбруса и маленькую заснеженную хижину на его седловине, долины и крутые пастбища Сванетии, нагорья Памира, его ледники, расчерченные темными грядами морен, могучий массив пика Сталина

и спутников и товарищей, деливших со мной радость похода и отдых под легким кровом палатки.

С Александрой Джапаридзе я не встречался и не беседовал. Говорят, что она молчалива, застенчива и заставить ее рассказать о себе почти невозможно.

Редактор *З. Смирнов*

Техн. редактор *З. Миронова*

Сдано в произв. 5/VI-1940 г.

Подписано в печать 9/VII 1940 г.

Формат бумаги 60×92¹/₃₂ доля

Печ. л. 1,5, уч.-изд. л. 1,4

Колич. знак. в печ. листе 38640

Тираж 8000

Фис № 1492

Заказ № 2366

Уполн. Мособлгорлита Б-6751

17 фабрика нац. книги ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“,
Москва, Шлюзовая наб., д. 10.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page, located in the lower half of the page.

Цена 50 к.

24327

Продажа во всех магазинах Когиза
и райкультмагах потребкоопера-
ции. Почтовые заказы адресуйте
в областные (краевые) отделы
„Книга-почтой“ Когиза.
Высылка наложенным платежом
без задатка.

